

Б.Е. Фролов

АДЫГСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРУЖИЕ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Факт заимствования кавказскими казаками, да и отчасти русской регулярной армией, расположенной на Востоке, адыгского боевого комплекса является настолько общепризнанным и широко известным, что не может служить предметом научной дискуссии. Тема «кавказского влияния» была достаточно отработана уже в дореволюционной историографии. Из множества свидетельств на этот счет приведем лишь два. Одно из них – современника кавказской войны, одного из первых историков черноморского казачества – И.Д. Попко. «Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного щегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками. Да оно и справедливо: «что хорошо выдуманно, то полезно и перенимать» (1, с.199). Авторы солидного исследования по истории Кавказской войны отмечали, что «все горцы Северного Кавказа, а за ними и наши казаки заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружение, посадку на коня и прочее...» (2, с.15). Но ни дореволюционные авторы, ни тем более советские (для последних характерен, как правило, чисто компилятивный подход к интересующей нас теме), признавая сильное военно-культурное влияние адыгов, не пытались перейти от утверждений общего плана к исследованию конкретных путей, по которым и шло это воздействие.

Целью нашей работы и будет попытка проследить когда, какими путями и как проникали в черноморский военный быт образцы адыгского вооружения. Почему же нами выбраны именно черноморские казаки?

Дело в том, что казаки-линейцы не регламентированные законодательно в плане одежды и вооружения, довольно быстро и легко переняли боевой комплекс адыгов. Лишь старики и служилые казаки первое время носили обмундирование донского покроя, а молодежь стала обзаводиться одеждой и оружием черкесов. В 1824-28 годах уже официально было разрешено выходить на службу с оружием и формой черкесского образца. В эти годы у линейцев отменили пику (3, с.471).

Значительно длительнее, сложнее и болезненнее проходил этот процесс у черноморцев. Здесь простой здравый смысл, предписывающий перенимать у противника все лучшее, отступал перед малоубедительными доводами, грузом традиций, капризами начальства. Черноморское войско, поселенное на правом фланге Кавказской линии, имело против себя в черкесских племенах превосходную легкую конницу. Конечно, как и всякая иррегулярная конница, она не могла в открытом бою долго противостоять регулярной кавалерии и тем более пехоте с артиллерией. (Вспомним хотя

бы известное замечание Наполеона: «Один мамлюк был сильнее одного француза; он был лучше натренирован и вооружен. Сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех. Но при столкновении двух отрядов, численность каждого из которых превышала двухсот всадников, шансы находились на стороне французов»). Но для черноморцев, представляющих из себя также иррегулярное войско, черкесские всадники таили в себе страшную опасность. По образному выражению автора XIX века «казаки увидели, что это были уже не крымские конокрады, а что-то грозное и внушающее» (4, с.110). Казачьи седла, сбруя, езда, длинное и тяжелое оружие – все это было хорошо в широких степях, но не годилось здесь, на Кубани. Там опасность видели далеко с кургана, здесь она вспархивала из-под копыт коня. Здесь были реки, леса и горы. А боевой наряд адыгов, к этому времени уже вполне сложившийся, идеально отвечал природным условиям и тактике боевых действий. «Черкесы имели и оружие и все прочее боевое снаряжение несравненно лучшего качества, нежели казаки: азиатская шашка «волчок» или «гурда», кинжал дамасской стали, пистолет с арабским или английским замком и нарезное ружье – составляли предмет зависти и желание для казака, вооруженного довольно худшим и несовершенным оружием, даже по тогдашним временам (5, с.20). По мнению генерал-майора И.Д. Попко, черноморцам следовало бы поспешить взять все у черкесов, но они этого не сделали и остались в накладе. «С первого раза казачья конница должна была уступить коннице черкесской и потом никогда уже не была в состоянии взять над ней преимущество, ни даже поравняться с нею. Те же черноморские казаки, которые били персиян и турок, находясь при армии, во время войны, редко могли побить шапсугов у себя дома. Однако, если били, то уж били на славу и один раз надолго» (4, с.110) (Это суждение не применимо к линейным казакам, о которых в то время говорили, что линейец – этот тот же черкес, только русской национальности).

Какое же оружие было у черноморцев по переселении на Кубань? Мы сразу же оговоримся, что история вооружения казаков, описание образцов казачьего оружия (впрочем, как и адыгского), его конструктивные особенности, достоинства и недостатки, выходят за рамки нашей темы и требуют отдельной, самостоятельной работы. Поэтому мы будем оперировать общими понятиями, обозначающими тип оружия и лишь схематично набросаем некоторые этапы перевооружения черноморцев в контексте данной темы.

Наибольшую трудность представляет начальный период жизни черноморского войска на Кубани. Нам известна только одна небольшая статья, посвященная вооружению черноморцев конца XVIII начала XIX вв. (6). Автор пишет: «Вооружение составляли: винтовка, пара пистолетов, сабля турецкая и ратище, т.е. пика. Конные казаки употребляли ратище с длинным красным древком, а пешие с коротким суковатым, приготовленным из ясеня или другого крепкого дерева, и не покрытым

никакой краской». Эти сведения, в различных вариациях, и кочевали в последующих работах дореволюционных кубанских историков.

Согласно нашим данным, в арсенале черноморцев явно преобладало русское оружие, в основном, гладкоствольные ружья и пики (7). Часть казаков получила гладкоствольные и «винтовальные» карабины, как правило, уже бывшие в употреблении. Пистолеты имелись у незначительного числа казаков. По всей видимости, это были так называемые сборные пистолеты, изготавливавшиеся во время русско-турецкой войны 1787-1791 годов на Кременчугском заводе (8, с.53). Наличие сабель на вооружение черноморских казаков в этот период не подтверждается документальными материалами (9). Сабля не входила в разряд обязательного оружия и имелась в основном у представителей старшины.

Проникновение адыгского оружия в среду черноморцев началось с первых же лет переселения последних на Кубань (надо заметить, что оружие и одежда адыгов были хорошо известны казакам и раньше). В описях казачьего имущества конца XVIII - начала XIX вв. встречаются упоминания о «черкесском» оружии. Скажем, поручик Толмачевский владел «черкесской саблей» и «черкесским мушкетом» (10, л.158). Войсковой судья А. Головатый посылал в подарок П. Зубову редкие образцы кинжалов и пистолетов (11, с.577). Однако, адыгского оружия среди казаков еще очень и очень мало (несколько чаще в источниках фигурируют предметы снаряжения: жирнички и пороховые рожки). Данными о торговле оружием мы не располагаем. Скрупулезный анализ практически всех документально зафиксированных военных столкновений на черноморской границе, свидетельствует о крайне незначительном количестве черкесского оружия, взятого казаками в качестве трофеев.

Вместе с тем, военно-культурное влияние адыгов в этот период уже неоспоримо и его подтверждает хотя бы тот факт, что при снаряжении в 1811 году Черноморской гвардейской сотни было выдвинуто требование о вооружении ее черкесским оружием. Это свидетельствует о хорошем знакомстве казаков с этим оружием, о признании его боевых и декоративных качеств.

18 мая 1811 года Военный министр в своем предписании Херсонскому Военному губернатору де Ришелье (за № 1314) сообщил, что его Императорское Величество во изъявление Монаршего своего благоволения к войску Черноморскому... желает иметь при себе в числе гвардии своей конных сотню казаков от войска Черноморского из лучших людей...» (12, л.25). Командовать этой сотней был назначен войсковой полковник Бурсак II-й, бывший до этого адъютантом Военного Министра. Началась трудная и долгая работа по выбору казаков, их обмундированию, снаряжению и вооружению.

29 июля генерал-майор Бурсак (I-й) напомнил командирам полка, что снабжение казаков ружьями, пистолетами и саблями зависит от войска.

Поэтому он и предписал выбрать это ружье из полков: «...и чтобы ружья были черкесские или турецкие, мерою не длинные, сабли и пистолеты турецкой работы» (13, л.14). Причем приказано выбирать лучшее оружие, а казакам взамен выплачивать его стоимость. Но оружия закупили в полках на удивление мало: от 1 до 4 ружей, 1-2 сабли. Цена ружья от 20 до 40 рублей, сабель от 5 до 25. Интересен список выбранного оружия, представленный Бурсаку командиром одного из полков. В нем указаны ружья черкесские ценою 20,30 и 40 рублей, два турецких ружья в 20 и 30 рублей, одно персидское в 20 рублей и две турецких сабли по 15 и 25 рублей (14, л.59). Обращает на себя внимание черкесское ружье стоимостью 40 рублей. Эта цена почти в два раза превосходит среднюю стоимость закупленных ружей. Цена черкесского ружья с двумя серебряными поясками была определена в 25 рублей. Овчинный полушубок в тот период стоил примерно 10 рублей, говяжий сапог 3-4 рубля (15). Соотнеся эти цены, легко догадаться, что сорокарублевое черкесское ружье было прекрасной художественной работы с серебряным прибором.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в 1811 году в черноморских полках черкесского оружия, хотя и в незначительном количестве. Собранного оружия не хватило на вооружение гвардейской сотни. Потерпев неудачу в пределах войска Бурсак отправил чиновников в разные города страны для покупки сукна и снаряжения. В Тулу, для закупки оружия был послан зауряд-есаул Федот с пятью тысячами рублей. 12 февраля 1812 года Черноморская гвардейская сотня в составе 3 обер-офицеров, 14 урядников и 100 казаков прогарцевала по улицам Петербурга (16). На казаках находилось оружие тульской работы. Но если сабля была выполнена по образцу русской легко-кавалерийской сабли конца XVIII века (так называемой «гусарский тип»), то пистолет на манер турецкого, ружье же – на манер черкесского, длинноствольное; носится на ремешке из сыромятной кожи (19, л.20).

Казалось, что с 1811 года начнется усиленное адыгское влияние на казачье вооружение, но этого не произошло, по крайней мере, официально. Наоборот, наступило время регламентации. 11 февраля 1816 года высочайше утверждается форма и вооружение казаков Черноморского войска (17, с.10). Образцы оружия, присвоенные казакам, являлись уставными, присущими регулярной русской армии. Теперь черноморцы должны были употреблять уланские карабины на белых лосиных перевязях, сабли же «обычные кавалерийские, эфес с тремя дужками (12, л.26). Отметим, что уланские карабины все-таки не состояли на вооружении черноморских казаков. Изготовленные по частному подряду тульским оружейником Лентяевым, они оказались несходны ни с одним из утвержденных образцов; к тому же их продали войску чрезвычайно дорого – 24 рубля 50 копеек за штуку (самое же дорогое, по расценкам Тульского завода, конно-егерское ружье стоило 16 рублей 72 копейки) (18, л.140). Прихоть графа Ланжерона обошлась войску более чем в 60 тысяч рублей.

Но главная беда оказалась не в расходах. Карабины показали свою полную непригодность к условиям войны на Кавказе. Против них резко выступил командир отдельного Кавказского корпуса генерал Ермолов. «Может быть - писал он в Петербург графу Закревскому, - карабины сии против европейской конницы на что-нибудь и годятся, но не против горцев, имеющих винтовки, и когда казаки нередко для обороны должны сражаться спешившись, совершенно негодны и казак, почувствовавший недостаток своего оружия, потеряет дух в сопротивлении. Я прошу исходатайствовать отмену сих карабинов и заменить их длинноствольным ружьем не на панталере, на простом черном кожаном погоне» (2, с.349). К слову сказать, казаки, сразу же понявшие беспомощность карабинов, под всякими предлогами отказывались их покупать. На службу выходили с самыми различными ружьями, большей частью тульского изготовления (19, л.16). И в этот период официально утвержденных образцов, казаки с охотой использовали адыгские ружья. Точнее будет сказать, все те же тульские, но изготовленные «на манер черкесских». Мы уже можем говорить об устойчивом адыгском влиянии, под воздействием которого складывались вкусы казаков. Это подтверждает такой чуткий барометр, как торговля. Именно в это время бойко продавали казакам различные «воинские вещи» калужский мещанин Иван Корнев и тульский Антон Пономарев. Среди продаваемых ружей были короткие, «на манер немецких и длинноствольные, в ложах сделанных на манер черкесских» (20, л.2).

Эти пристрастие казаков учитывал и Ермолов, испрашивая официальной отмены карабинов. В конце декабря 1821 года ему сообщили о «соизволении» императора на замену карабинов длинноствольными ружьями. В бытность свою в Екатеринодаре, Ермолов интересовался ружьем, годным для вооружения казаков. Из числа понравившихся ему ружей генерал-майор Власов, после тщательных испытаний, препроводил в Войсковую канцелярию два длинноствольных ружья для хранения и образца (21, л.1). Первое попадало в цель на 47, а второе – на 40 трехаршинных сажений. Исходя из цели нашей работы и не вдаваясь в детальное описание образцов, укажем только, что эти, официально утвержденные ружья, имели приклад черкесского типа.

Одновременно с карабинами, Ермолов пытался отменить и бывшие на вооружении черноморских казаков кавалерийские сабли образца 1809 года. На наш взгляд – это довольно неудачный образец холодного оружия. И если в регулярной армии, действовавшей в сомкнутом строю, он еще мог более или менее успешно применяться, то для казаков эта сабля была малоэффективным, если не сказать, бесполезным, обременительным оружием. Даже П.П. Короленко, известный историк черноморцев признавал, что «черкесы острыми шашками перерубывали стоящую бурку, то казаки тупыми саблями могли только огурцы рубить» (22, с.287). Ермолов отмечал, «что сабли в железных ножнах и на длинных погонах не выгодны для казаков здешнего края, ибо с ними нельзя не заложить

секрета, ни выслать потайного разъезда, без того, чтобы не быть открытым бесполезным стуком оружия, тогда как неприятель все сие делает беспрепятственно. Если мы будем иметь сабли, подобные неприятельским, они худшими не будут» (2, с.350). Император дал свое разрешение на перемену и сабель, но денег от казны на перевооружение казаков выделить отказался (23, л.3). Ермолов же, основываясь на решении императора, приказал Черноморскому войску не заказывать впредь «сабли в железных ножнах на подобие драгунских». На резонный вопрос, что же иметь вместо них, от 10 июня 1824 года прямо указал: «... я полагаю, Черноморского войска казакам гораздо лучше иметь шашки вместо употребляемых ими ныне сабель...» (24, л.2). (По вопросу о достоинствах холодного оружия автор придерживается следующего мнения: русское холодное оружие Тульского и Златоустовского оружейных заводов, в массе своей, превосходило по качеству клинковой стали оружие кавказской выделки, но уступало ему по конструктивным достоинствам). Таким образом, еще в начале 20-х годов XIX века мог быть решен вопрос о введении шашек на вооружение черноморских казаков. Мог, но не был. Ведь Ермолов не приказывал, а лишь «полагал». Он хотел знать мнение по этому вопросу генерал-майора Власова. Власов же, в свою очередь, предписал Черноморской войсковой канцелярии дать свое заключение. 25 октября 1824 года оно и было представлено Власову (24, л.4). Канцелярия признавая, что шашки «способнее для казаков» находила саблю более «приличествующей мундиру». К тому же введение шашки, помимо официально утвержденной сабли, вводило казака в излишний расход. Впрочем, Канцелярия соглашалась на то, чтобы казаки, «имеющие состояние» владели бы и шашками (помимо сабель) на кордонной службе. Власов в целом принял «доводы» Войсковой Канцелярии, но в рапорте к Ермолову предложил: «не воспретить также иметь им (казакам – Ф.Б.) шашки для употребления службы на кордоне, как оружие легкое и в действии с здешним неприятелем весьма способное. Нынешние же сабли позволить казакам продавать или донашивать» (25, л.3). В свою очередь, Ермолов сабли продавать не разрешил, а приказал «для собственной безопасности дозволить казакам сверх сабель иметь и шашки, если кто пожелает» (25, л.40).

Такое половинчатое, в жизненно важном для черноморского казака вопросе решение не может не вызвать удивления. Все прекрасно понимают преимущество шашки в условиях кордонной службы, но не решаются принять ее в качестве официального образца. Разрешением иметь шашку сверх сабли мало кто из казаков мог воспользоваться. Известно, что в этот период многие казаки не имели, по причине своей бедности, даже положенных сабель. Документально подтверждается распространение шашек только среди офицеров Черноморского войска (26).

1 ноября 1840 года были утверждены новые образцы обмундирования и вооружения казаков Черноморского войска. Отметив,

что в основе этой черноморской формы лежали черкесские образцы, перейдем к оружию. Войску было отпущено из разных арсеналов 10176 казачьих ружей, 8154 пехотных, 864 штуцера и 10939 пистолетов (27, л.1). Казачьи ружья образца 1832 года имели ставший уже традиционным приклад, так называемого «азиатского типа» (28, с.32). Если вопрос о заимствовании образцов огнестрельного оружия в этот период уже не мог возникнуть, то иначе обстояло дело с холодным. Вместо сабель черноморцы получили, теперь уже официально, казачью шашку образца 1838 года. В русскую армию шашка проникла еще раньше, в 1834 году. Именно тогда Нижегородский драгунский полк получил «шашки азиатского образца» (29, с.62). Принципиально эта шашка не отличалась от кавказской. Казачья же шашка образца 1838 года представляла, как нам кажется, промежуточный тип, соединяющий в себе черты кавказского и европейского оружия. Зато кинжал был прямо определен как «черкесский» (см.30). Офицеры должны были иметь его в серебряной оправе и в лейб-гвардии носить на красном сафьяновом ремне, в конных полках на черном сыромятном ремне. Нижние чины получили кинжал с белой костяной рукояткой, с кожаными ножнами в железной оправе.

В 1860 году Черноморское казачье войско преобразуется в Кубанское, с прибавлением 6 бригад из Кавказского линейного казачьего войска. В основу формы обмундирования и вооружения Кубанского войска были положены образцы линейных казаков, давно, как мы знаем, перешедших на черкесский боевой комплекс. Впрочем, для черноморцев эти перемены прошли достаточно безболезненно. Как и раньше, существование утвержденного образца не очень сдерживало казаков, и в Черноморском войске немало имелось оружия горского типа. Оно приобреталось индивидуально, массовые закупки производили полки и даже само войско покупало большие партии оружия. Значительную работу проделала Войсковая оружейная мастерская, переделывая «донские» шашки (обр.1838г.) в кавказские.

В конце 50-х годов XIX века Черноморское войско заключило серию контрактов с ганноверским поданным Германом Таннером на поставку ружей, пистолетов, шашек и кинжалов. Шашки Таннера оставили очень заметный след в истории казачьего оружия. Ее образец утвердил командующий войсками Кубанской области генерал-адъютант граф Евдокимов (31, с.13). Шашку спроектировали по типу черкесских и отличалась она хорошо рассчитанным отвесом («сама идет», как говорили казаки). Изготовленные из «лучшей солингеновской стали», эти шашки представляли из себя на редкость удачное оружие. Лишь только шашечные клинки Златоуста смогли разделить их славу. При каждом заказе в Кубанском войске разрабатывался образец шашки, составлялись чертежи и описание для руководства при изготовлении. В основе всех этих образцов лежала кавказская шашка, с которой казаки давно «свыклись» и считали своим традиционным оружием.

Последним аккордом в цели заимствований стало, как мы считаем, официальное утверждение за мундиром казака названия «черкеска» (см.32). Произошло это в 1861 году. Факт этот примечателен по двум обстоятельствам. С одной стороны это подтверждение на официальном, государственном уровне факта военно-культурного влияния адыгов на кавказское казачество. С другой стороны, мы должны помнить, что еще идет Кавказская война и указ шестьдесят первого года приобретает особую окраску. Вероятно, эта война имела и в русском обществе и в правительственных кругах особый психологический контекст. Нам, воспитанным на примере войн XX века, его довольно трудно понять. Это была война, в ходе которой периоды резкой конфронтации сменялись периодами мирных отношений. Почти бесперебойно шла торговля и обмен. Представители противоборствующих сторон нередко становятся кунаками. На войсковые праздники черноморцев приглашались «мирные» и «немирные» черкесы. То есть, длительный военный конфликт не породил атмосферы безоглядной жесточенности и ненависти. Записки современников не таят в себе никаких оскорблений в адрес противника, а, наоборот, несут дань уважения. Вспомним хотя бы И.Д. Попко, который сравнивает адыгов с бургундскими и лотарингскими рыцарями (1, с.200). Именно такой характер взаимоотношений и создал возможность взаимного культурного воздействия. Искусственная задержка проникновения в среду черноморского казачества образцов адыгского оружия лишь на время задержало этот естественный процесс.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858.
2. Утверждение русского владычества на Кавказе Ч. П. Тифлис, 1904.
3. Кубанский сборник на 1914 год. Т.19. Екатеринодар, 1914.
4. Есаул. Пешие казаки. Военный сборник. № 11, СПб. 1860.
5. Толстов В. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896.
6. Попко И.Д. Боевое снаряжение и типы черноморских казаков в исходе 18 и начала 19 столетия. Исторические и биографические очерки. КГИАМЗ (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник) КМ- 5215/1236.
7. Фролов Б.Е. Оружие черноморских казаков первой половины XIX века. Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992.
8. Маковская Л.К.. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца

- XIУ-ХУШ веков. М.1992.
9. Фролов Б.Е. Холодное клинковое оружие Кубанских казаков. Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993.
  10. ГАКК. (Государственный архив Краснодарского края) Ф.250. Оп.2. Д.39.
  11. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринодар, 1910.
  12. ГАКК. Ф.254. Оп. 1. Д.453.
  13. ГАКК. Ф.250. Оп. 2. Д.210.
  14. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.634.
  15. ГАКК. Ф. 283. Оп.1. Д.69.
  16. Кубанские областные ведомости. 1911 год. № 101.
  17. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб, 1910. Часть 18.
  18. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.814.
  19. ГАКК. Ф.285. Оп.1. Д.96.
  20. ГАКК. Ф.286. Оп.1. Д.26.
  21. ГАКК. Ф.764. Оп.1. Д.28.
  22. Короленко П.П.. Переселение казаков за Кубань. Екатеринодар, 1910.
  23. ГАКК. Ф.318. Оп.1. Д.16.
  24. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.161.
  25. ГАКК. Ф.318. Оп.2. Д.22.
  26. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов 13-19 вв. Нальчик, 1974. с.335
  27. ГАКК. Ф. 254. Оп.1. Д.594.
  28. Федоров В. Эволюция стрелкового оружия. М.1938.
  29. Кулинский А.Н. Холодное оружие русской армии и флота. Л. 1988.
  30. ГАКК. Ф.312. Оп.1. Д.309.
  31. ГАКК. Ф.254. Оп.2. Д.114.
  32. ПСЗ. Собр.2. Т.36. СПб., 1863. Ст. 37678.

Опубликовано:

Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края. Краснодар, 1995.